

* * *

Мимо этих полей, мимо этих берез
Я не раз проезжал в пассажирском вагоне.
Вот и речка, и гулкий некрашенный мост,
И у домика стрелочник на перегоне.
Так знакомо и все же загадочно так,
Словно это со мной колесит по России.
Или я заблудился в бессчетных верстах
И кружу в заколдованном круге в бессилье.
Те же люди, как будто их водит слепой
Из деревни в деревню, из города в город,
То ли рай обещая за ближней горой,
То ль из мест уводя, где разруха и голод?
Эти лица угрюмые, эти глаза
Будто бродят за мной молчаливо, безвольно...
Снова те же овраги и те же леса
И от мертвых окон мне тоскливо и больно.
Неужель мы в заложниках горькой судьбы?
Отрешенно гадает ноябрь на ромашке.
И бегут, и бегут верстовые столбы...
Вот опять этот стрелочник в старой фуражке.

* * *

Максу — внуку моему

Мы в войну не играли.
Мы жили войной,
Фронтowymi вестями,
Солдатскими письмами,

Материнскими плачами,
горькой нуждой
И еще ожиданием побед
над фашистами.
Жили взрослой заботой
и скудным пайком,
Отводили от взрослых
глаза горевые,
Похоронкам не веря,
писали тайком
Письма нашим отцам
в адреса полевые.
Мы на фронт убегали,
таясь в поездах,
Нас ловили и снова домой возвращали.
Полыхала война в наших детских сердцах,
И во сне мы по танкам
немецким стреляли.
Утром все возвращалось на горестный круг.
А потом — День Победы и слезы, и встречи...
...Бой прервав на компьютере,
спросит мой внук:
— Как в войну вы играли?
И я не отвечу.

ХРАМ

Отгремели салюты,
отплакали очи вдовиц,
Сорок пятый гулял
в тронных залах и сенцах.
Это было в сибирской глуши,
далеко от столиц,
Это вызрело в горнице русского сердца.

Кто позвал? Как случилось?
Никто потом вспомнить не мог.
И откуда взялись бревна звончатых сосен?
Но сплелись в одночасье
следы уходящих дорог,
И одеда убранство, как в августе, осень.

Люди вышли на взгорок
к излучине быстрой реки,
Помолились на все поднебесные дали,
И на голос работы откликнулись дебри тайги,
И безлунные ночи костры освещали.

По-над кряжем кедровым
склонился безногий солдат,
Двоеперстие падало крестообразно.

Он молился три дня.

И на праздник святой аккурат
Стал вытесывать крест старине сообразно.

За венцами венцы поднимались в небесный простор,
И притвор, и алтарь, и срединное место.
Купол — досточка к досточке —

крест над тайгой распростер.
Люди ахнули, глядя: — И вправду, невеста!

Украшали всем миром, несли золоты кружева,
По старинной иконе от каждого дома.
Освятили ее на стозвончатый день Покрова
В честь Победы и Отчины Богохранимой.
Над вратами святого Георгия образ сиял,
В запах ладана ветер вплетался таежный,
Голос хора старушек к спасению звал
Всех родимых своих на дорогах тревожных.

И пошли в него люди и в радости, и в маяте,
И крестились, и близких своих отпевали.
И солдатской звездой отражался рассвет на кресте,
И на лицах святых растворялись печали.

...Годы, годы прошли.

Та деревня стоит в наготе,
Не хотят люди жить там, где тлен и разруха.
В запущении храм.

Лишь вороны сидят на кресте,
Да с иконы Георгия пыль вытирает старуха.

* * *

Евг. Морозову

От вечных тем бегут, как от чумы.
Другое дело гаджики и лайки.
Под дулом кольца не признаем мы
Свое родство от щей и балалайки.
Морозный воздух душу веселил,
И радость встречи врачевала сердце.
Казалось, Пушкин сам благословил
Нас по обычью русскому согреться.
Под сенью инсталляций ледяных
Мы пили водку, ели чебуреки
И спорили о судьбах роковых
России и о русском человеке.
Так кто же он: ленивый раб, творец,
На ниве созидания работник?
Он то терял, то обретал венец
Величия, державности угодник.

Во временах кто только не судил
Его с апломбом непорочных судей.
Да, варвар! Ватник! Но как он любил,
Теперь в Европе так давно не любят.
С трибун, с экранов просвещают мир,
Как беден он, посконное отребье.
Да, не прикольный! Во дворе сортир.
Но первый в деле на земле и в небе.
Да, делать деньги — не его мечта.
Что золото? Прах пустоты и бренность.
Но для него добро и красота,
Как высшая, Божественная ценность.
Мы спорили, цедя аперитив,
И шли потом, почти в обнимку, вместе.
А рядом Пушкин, голову склонив,
Ронял во тьму слова любви и чести.

* * *

Ермаку не спалось. И накинув на плечи
Атаманский кафтан о семи жемчугах,
Вышел в степь он.
И мягкий по-летнему вечер
Лег росой на высоких его сапогах.
Поднималась трава. И знакомые запахи
Атаманскую душу взмутили до дна.
И взыграла в тот вечер станичника-пахаря
Неспокойная кровь, как донская волна.
И велел он соху изготовить!
А в полдень,
Боевые доспехи сложив в стороне,
Первый пласт отогнул,
и комочек растер на ладони,
И причмокнул: — Землица-то знатная в этой стране!
И маячила долго над степью спина атамана,
И садились на плечи ему отдыхать облака,
И казалось дружинникам, что непонятная рана
Доконает недюжинных сил казака.
Но земля излечила.
А бранное дело привычное.
И бросало Кучума от русского воинства в дрожь.
А по осени, словно в помин атамана-станичника,
Темно-желтыми зернами
плакала спелая рожь.